

Глава 15

«СТРАННЫЙ И ПРЕСТУПНЫЙ МАНИФЕСТ»

Между двумя отречениями. — «Благородный человек». — Полнота власти.

§ 1. Между двумя отречениями.

Несмотря на часто повторявшуюся фразу, что Временное правительство возникло «по инициативе Государственной Думы», его члены, и Милюков в том числе, очевидно, не думали, что они избраны или назначены Думой и ее председателем. Когда возбужденная толпа прервала речь Милюкова вопросом: «Кто вас выбрал?», ему было бы легко сослаться на авторитет Думы, как на учреждение, ставшее средоточием революционного движения. Вместо этого он ответил:

Нас выбрала русская революция! (Шумные, продолжительные аплодисменты). Так посчастливилось, что в минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которые были достаточно известны народу своим политическим прошлым, и против которых не могло быть и тени тех возражений, под ударом которых пала старая власть.

По мнению Милюкова, эта группа людей, которая, к счастью для России, в нужный момент оказалась под рукой, должна была стать правительством нового императора — несовершеннолетнего Алексея, от чьего имени полномочия регента должны были быть вручены великому князю Михаилу, но лишь до созыва Учредительного собрания, которое должно быть избрано на основе четырехчленной формулы¹. Решение о будущих отношениях между верховной властью регента и Временным правительством, которое заявило готовность передать свои функции Учредительному собранию, — было вынесено, разумеется, не лично Милюковым, а его политическими единомышленниками из Прогрессивного блока, которые в преобладающем большинстве входили в Комитет Думы. Однако это было сделано до того, как в Пскове разрешился вопрос об отречении, и без надлежащей договоренности с будущим регентом. Что еще важнее, оно было принято без учета общественного мнения, выражаемого возбужденной толпой, которая осаждала Таврический дворец. Как только Милюков начал говорить о династии и об отречении «старого деспота», который привел страну «на грань катастрофы», он понял, что этот пункт его речи будет самым щекотливым. (Его несколько раз прерывали криками: «Но это же старая династия! Да здравствует республика! Долой династию!») Милюкову пришлось

импровизировать что-то о созыве Учредительного собрания, и это вернуло толпе энтузиазм. Принцип династии он защищал уже довольно слабо:

Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентарную и конституционную монархию. Быть может другие представляют себе иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возвратится в только что разрушенный режим.

Подход Милюкова к этому вопросу был до невероятия грубо-бестактен. Мы ограничимся тем, что приведем комментарии Мельгунова к этому пункту речи Милюкова:

Милюкова никто не уполномочивал выносить спорный вопрос о монархии на обсуждение улицы и преждевременно разглашать то, что большинство склонно было разрешить по методу Гучкова, т.е. поставив массу перед совершившимся фактом. План этот в значительной степени был сорван неожиданным выступлением Милюкова — для сторонников монархии это была поистине медвежья услуга. Я не повторил бы, что монархия «умерла в сердце» двухсотмиллионного народа задолго до восстания в столице, как вскоре заявляло приспособившееся к господствующим настроениям суворинское «Новое Время», но это означало, что в солдатской массе, определявшей до известной степени ход событий, под напором столичных слухов и сплетен, действительно уничтожена была «мистика» царской власти, о чем в связи с проявлениями антидинастического движения не раз говорили записки органов департамента полиции. Все это облегчало республиканскую пропаганду. Полусознательное отталкивание от монархии должно было вызвать в массе чувство боязни ответственности за содеянное... Революция, заканчивающаяся восстановлением старой династии, в сущности превращалась в бунт, за участие в котором при изменившейся конъюнктуре могло грозить возмездие².

Керенский, который в тот же день, всего несколькими часами позже, в импровизированной речи в Совете объявил себя нераскаившимся, даже торжествующим республиканцем, показал себя более искусным демагогом, чем Милюков с его непрошенным и бестактным выступлением в зале Таврического дворца. Речь Милюкова на первый план выдвинула вопрос о монархии, в течение последующих

суток только его и обсуждали на улицах, в комитетах и казармах; не меньше других взволновалась маленькая, но влиятельная группа людей, которых судьба династии касалась непосредственно.

Великие князья, которые были в то время в Петрограде, видимо, предавались лихорадочной деятельности. Дядя царя, последний оставшийся в живых сын Александра II, великий князь Павел, решил издать нечто вроде манифеста, обещая после войны дать России конституцию. Ему удалось заручиться подписями великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Михаила³. Он даже отправился в Царское Село и попросил подписать этот манифест императрицу, но был принят в штывы. В одном из своих последних писем царю, оно пришло уже после отречения, императрица пишет об «идиотском плане» великого князя Павла, которым он надеялся «спасти нас всех». Манифест был передан Милюкову, который держал его у себя, но так никогда и не употребил. Великий князь Кирилл не только подписал манифест, но решил признать революцию, явившись в Думу во главе морского караульного отряда, с красной розеткой. Эта красная розетка вызвала много толков, и, очевидно, в свидетельстве Родзянко на этот счет нет оснований сомневаться. Великий князь предложил свои услуги Комитету Думы в любом качестве, но это только затрудняло председателя Думы, который сказал великому князю, что его присутствие в Думе при данных обстоятельствах совершенно неуместно, и посоветовал ему удалиться. По-видимому, для большинства великих князей была ужасна мысль, что регентом может стать великий князь Михаил. Они, очевидно, были против этого главным образом потому, что не доверяли морганатической супруге великого князя, графине Брасовой. О ней было известно, что она честолюбива и энергична, много перенесла из-за шаткости своего положения в обществе, поэтому предполагали, что она воспользуется благоприятной ситуацией, чтобы взять реванш.

Но гораздо важнее то, как восприняли речь Милюкова солдаты петроградского гарнизона. Создается впечатление, что возможность возврата Романовых повергла их в панику. Им виделось, как офицеры опять получают над ними власть и будут мстить за мятеж 27–28 февраля. Ощущение растерянности и страха, одинаково преобладавшее и у солдат, и у офицеров, которые питали глубокое недоверие друг к другу, захватило также думские крути, и в особенности — председателя Думы. Когда день склонился к вечеру, Милюков, проходя через зал, в котором несколько часов назад он произнес свою роковую речь, встретил Родзянко,

который рысцой бежал ко мне в сопровождении кучки офицеров, от которых несло запахом вина. Прерывающимся голосом он повторил их слова, что после

моих заявлений о династии они не могут вернуться к своим частям. Они требовали, чтобы я отказался от этих слов. Отказаться я, конечно, не мог; но, видя поведение Родзянко, который отлично знал, что я говорил не только от своего имени, но и от имени Прогрессивного блока, я согласился заявить, что я высказывал свое личное мнение⁴.

Имея в виду неспособность Милюкова забывать и прощать, не следует принимать его рассказ слишком буквально. Но Родзянко действительно до того был напуган, что почти совершенно потерялся, об этом свидетельствует его поведение утром 3 марта. Ночью до председателя Думы и до кн. Львова дошли сведения, что отречение состоялось, но с весьма существенным изменением первоначально поставленных условий. Николай II отрекся за себя и за сына, назвав своим преемником брата Михаила, которому поручал «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу». В 5 часов утра Родзянко снова связался с Рузским по прямому проводу и сказал: «Чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом».

Затем следовали длинные и запутанные объяснения Родзянко о событиях в Петрограде, которые, по его мнению, делали манифест запоздалым и ненужным⁵. Родзянко закончил заверением, что законодательные палаты, то есть Дума и Государственный Совет, будут продолжать работу при новом режиме в Верховном Совете. Потом он поправился, что имеет в виду Комитет Думы под своим председательством.

Обмолвка Родзянко выдает ход его мыслей: он, очевидно, думал об Исполнительном Комитете Думы под его председательством как о возможном регентском совете, который возьмет на себя исключительные прерогативы монарха и при котором Временное правительство и Дума станут исполнительным и законодательным органами. Так понял его Рузский, это видно из воззвания главнокомандующего Северо-Западным фронтом к населению прифронтовой зоны, о нем упоминалось выше⁶.

Обращенная к Ставке просьба Родзянко повременить с публикацией манифеста об отречении Николая II и воцарении Михаила вызвала полное недоумение. Алексеев начал понимать, что «в сообщениях Родзянко нет правды и искренности»⁷ и что председатель Думы и Временный Комитет находятся под сильным давлением левых

партий и рабочих депутатов. Он сообщил главнокомандующим, какая возникнет опасность, если акт об отречении будет задержан и не получит силы закона.

Во всяком случае, пересматривать процедуру отречения было слишком поздно. Бывший царь уже следовал поездом из Пскова в Могилев. Гучков и Шульгин приближались к Петрограду с копией манифеста. Слухи о событиях в Петрограде начали распространяться по всей стране и достигли фронта. Для поддержания духа солдат необходимо было немедленное выяснение вопроса о присяге. Положение Алексева и главнокомандующих стало еще более затруднительным вследствие того, что царь перед отречением назначил великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. В то время великий князь находился в Тифлисе. Получив извещение о своем назначении, он немедленно стал критиковать манифест и решение Временного правительства созвать Учредительное собрание. В телеграмме Алексеву, посланной вечером 3 марта, он сообщал:

Ожидал манифест о передаче престола наследнику цесаревичу с регентством великого князя Михаила Александровича. Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню. Вопрос же об Учредительном собрании считаю для блага России и победоносного конца войны совершенно неприемлемым.

В том затруднительном положении, в котором находился Алексей, ему, очевидно, хотелось только одного, а именно — воцарения великого князя Михаила, согласно акту об отречении, подписанному Николаем II. Но политические деятели Думы, с которыми он был связан и которым так нужна была его поддержка, чтобы Николай II отрекся, 3 марта вели себя несколько уклончиво. Алексеву не удалось связаться с Родзянко до позднего вечера. Когда, наконец, около 6 часов он связался с Гучковым и стал настаивать на договоренности «с тем, кто вступит на престол», его известили, что договоренность уже достигнута. Условия этой договоренности могли исполнить Алексева только горечью и сожалением. Он дал волю своим чувствам в нескольких фразах, которые проливают свет на умонастроения этого замкнутого и сдержанного человека.

Неужели нельзя было, — спрашивает он Гучкова, — убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть? Это сразу внесло бы определенность в положение... Трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3 марта (т. е. акт об отречении великого князя Михаила).

Разве не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы и уважение к воле бывшего государя, и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни... Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление. Через полгода же все выяснится ближе, лучше и всякие изменения протекут не столь болезненно, как теперь⁸.

Когда же, наконец, он связался в 11 часов вечера с Родзянко, ему стало ясно, что принятое в Петрограде решение изменить невозможно. Тогда Алексеев сказал председателю Думы, которого не любил и презирал: «Что еще я могу сказать, кроме: “Боже, спаси Россию!”»

§ 2. «Благородный человек».

Алексеев, который оказался прав в оценке положения, пессимистически отнесся к тому, как армия воспримет отречение великого князя Михаила. Стратегия Родзянко, которая заключалась в задержке опубликования акта об отречении Николая II, чтобы сообщить о нем одновременно с отречением великого князя Михаила, дала именно те результаты, которых он ожидал. Это двойное отречение ясно свидетельствовало о конце династии, хотя возможность царствования Михаила с согласия Учредительного собрания формально еще оставалась. И даже следующий по порядку престолонаследования претендент мог, чтобы утвердить свои права, обратиться к тем силам, которые все еще были верны монархии. Но такое обращение создавало неминуемый конфликт с Михаилом: никакая претензия на престол не могла быть законной до формального утверждения отречения Михаила решением Учредительного собрания. Главной задачей политических деятелей, желавших, чтобы Михаил отказался от престола, было убедить его, что таков его монарший и патриотический долг.

Великий князь, который до рождения Алексея был предполагаемым престолонаследником, никогда не играл никакой роли в политике, даже в той умеренной степени, какая допускалась в отношении других членов семьи Романовых. Вследствие мorganaticкого брака он был в тени, ему разрешили жить в России и снова служить в армии только после начала войны. Из-за своего брака он был не в ладах с другими членами семьи. Его грозная тетка Мария Павловна старшая⁹ считала,

что он стоит на пути ее собственных детей, из которых старший, Кирилл, мог быть следующим престолонаследником. Во время войны жена Михаила графиня Брасова, как и многие другие дамы петроградского общества, принимала у себя политических деятелей Думы и членов общественных организаций, но очень мало оснований считать, что великий князь занимался интригами, во всяком случае ему московские заговорщики не делали тех предложений, которые делались великому князю Николаю Николаевичу. Для всех заинтересованных лиц, т.е. для кн. Голицына, для Родзянко, для Ставки, для думских деятелей, было полной неожиданностью, что 27 февраля великий князь Михаил, в целях разрешения политического кризиса, дал согласие стать регентом, если этот шаг будет одобрен его братом. Мы знаем, что инициатива тут шла от Родзянко, а условие, что он может действовать только с согласия царя, было поставлено самим великим князем.

С 27 февраля великий князь безвыездно оставался в Петрограде, не играя никакой заметной роли. Рано утром 28 февраля, как мы видели, великий князь приехал в Зимний дворец, где под командой военного министра Беляева, командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова и генерала Занкевича расположились немногие оставшиеся верными царю части. Мы видели, что¹⁰ великий князь попросил их немедленно покинуть дворец — он не хотел, чтобы в народ стреляли «из дома Романовых»: это говорит об известной озабоченности в связи со своим будущим положением в российском государстве — возможность регентства уже носилась в воздухе. 28 февраля он перенес свою штаб-квартиру к княгине Путятиной — дом № 12 по Миллионной улице, где три дня ждал дальнейшего развития событий. В продолжение этих дней он поддерживал связь с членами Комитета Думы, а также принимал своего двоюродного брата великого князя Николая Михайловича — историка, сосланного государем в имение на юг России после убийства Распутина, главным образом за безответственное распространение слухов и разговоры в великокняжеских кругах. Роль, которую сыграл великий князь Николай Михайлович в дореволюционный период, нелегко установить. Опубликованные отрывки из его дневника характеризуют Николая Михайловича как убежденного врага императрицы, который готов был поддержать и антицарский заговор. Он был лично знаком с Керенским, что ничем нельзя объяснить, кроме как масонскими связями, непосредственными или косвенными — через военные масонские организации, которые возглавлял граф Орлов-Давыдов.

Очевидно, что в качестве источника информации все они были непригодны, никто не мог сказать, как повернутся события, никто не мог адекватно описать

соотношение сил и влияние разных политических группировок, которые возникли в хаосе петроградских событий. При этом великий князь Михаил безусловно сознавал, что в любой момент он может быть призван принять решение, от которого будет зависеть его собственная судьба, судьба России и его близких. День прошел в большом беспокойстве. Толпа осаждала соседние дома и квартиры, шли грабежи и аресты. 1 марта для охраны великого князя на Миллионную улицу был послан караул из школы прапорщиков. Сведения о происходящем в Думе доставляли офицеры караула, которые поочередно ходили туда. Очень возможно, что великому князю сообщили об отъезде думских делегатов в Псков, и наверняка Родзянко информировал его о результатах их поездки, как только они стали известны ему самому. Телеграмма бывшего императора, адресованная «Его Величеству Императору», в которой Николай II просил брата простить его за то, что он не посоветовался с ним перед тем, как отречься в его пользу, видимо, так и не дошла до адресата. Поэтому телефонный звонок Керенского (в 5 часов 55 минут утра 3 марта), который спросил, примет ли великий князь Временное правительство (или, как тогда называли, Совет министров), послужил первым сигналом к тому, что сейчас придется принять решение, к которому его вынуждает случайность рождения. До сих пор неясно, почему в этот ранний час первым позвонил ему именно Керенский — до возвращения из Пскова делегатов, которые везли акт об отречении, оставалось еще 2 часа.

В 10 часов утра на Миллионную стали съезжаться члены Временного правительства. Обсуждая, что посоветовать великому князю, они обнаружили, что мнения их непреодолимо расходятся. Большинство, к которому принадлежал председатель Думы Родзянко (он к этому времени несколько оправился от испуга и стал бдительным защитником власти Комитета Думы и законности созданного им Временного правительства), не сочувствовало восшествию на престол великого князя. Керенский особенно настаивал, что такое решение будет неприемлемо для петроградских рабочих и вызовет гражданскую войну. Меньшинство, Милюков и, возможно, Шингарев, который его поддерживал, так же, как и отсутствующий Гучков, были за немедленное воцарение великого князя Михаила, даже при оппозиции петроградской толпы. Договорились, что только один оратор каждой стороны выскажет свои аргументы великому князю, который после этого свободен будет принять решение. После этого противоположные партии обязуются не препятствовать своим оппонентам в организации новой власти. Предлагалось даже, что те, чьими советами великий князь не воспользуется, выйдут из правительства и предоставят оставшимся перестроить правительство на новой основе.

Совещание на Миллионной улице было совершенно неофициальным. Когда собралось несколько членов правительства и Комитета Думы, великий князь вышел, чтобы выслушать, что скажут. Шульгин и Гучков не приехали к началу совещания. Они вернулись из Пскова, но их задержали на вокзале, где Шульгин прочел толпе манифест и предложил кричать ура в честь императора Михаила, а Гучков тем временем отправился сообщить новость рабочим железнодорожных мастерских Северо-Западной железной дороги. Тут, вероятно, что-то произошло, рабочие не давали Гучкову уйти, они хотели завладеть актом об отречении и уничтожить его. Не следует забывать, что шел пятый день мятежа петроградского гарнизона и что нервное напряжение всех, кто принимал активное участие в событиях, достигло предела. Рассказы очевидцев об одном и том же событии расходятся даже более резко, чем рассказы о последних днях февраля. Вряд ли Гучкову грозила личная опасность со стороны железнодорожников, акт об отречении уничтожен не был, но, очевидно, рабочие совершенно ясно дали понять Гучкову, что они против кандидатуры Михаила. Так или иначе, из-за вокзального инцидента делегаты Думы значительно опоздали на совещание в квартире кн. Путятиной. Виноваты в этом были они сами. В тот момент, когда требовались чрезвычайная предусмотрительность и самообладание, люди, от которых можно было бы ждать больше здравомыслия, лишней раз выказали свою несдержанность и любовь к сенсации. Ни Шульгин, ни Гучков не должны были делать толпе никаких объявлений до обсуждения и утверждения манифеста Сенатом.

В квартиру Путятиной делегаты приехали усталые и помятые и почти не принимали участия в обсуждении. На темпераментный отчет Шульгина никак нельзя положиться. В присутствии великого князя первым говорил Родзянко. Впоследствии он объяснил:

Для нас было совершенно ясно, что великий князь процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое положило бы начало общегражданской войне. Для нас было ясно, что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно¹¹.

После Родзянко говорил Милюков, который не пытался скрыть трудности положения, но объяснил, что для укрепления нового режима необходимо сильное

правительство, а сильное правительство «нуждается в опоре привычного для масс символа власти». Таким символом является монархия. Без нее Временное правительство не доживет до созыва Учредительного собрания. «Временное правительство одно без монархии... является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений». Речь Милюкова была, видимо, убедительной, ибо, вопреки предварительному соглашению, она вызвала общие дебаты, в которых Милюков играл главную роль. Вот как описывает эту сцену Шульгин, вошедший в конце речи Милюкова:

Это была как бы обструкция... Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столь учтивый и выдержанный, никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех... Белый, как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло.

Цитируя Шульгина, Милюков пишет:

но, конечно, Шульгин немножко преувеличил. В моем «карканьи» была все-таки система. Я был поражен тем, что мои противники, вместо принципиальных соображений, перешли к запугиванию великого князя. Я видел, что Родзянко продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Все это было так мелко в связи с важностью момента. Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть, участникам и самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру — за всю Россию — и мы должны нести риск, как бы велик он ни был¹².

Милюков предлагал взять автомобили и уехать из Петрограда, перенести столицу в Москву, где гарнизон сохранял дисциплину и революция произошла без буйства толпы.

Великий князь, слушавший их горячую перепалку, начал выражать признаки нетерпения. Чтобы понять, чем был движим этот гордый и упрямый человек, попавший в столь необычные для него обстоятельства, чтобы воссоздать весь этот невероятный эпизод, необходимо уяснить себе, что в разыгрывавшейся перед ним сцене было для него наиболее поразительно. Он видел людей, которые много лет подряд противились правлению его брата и после почти беспрецедентной кампании клеветы и хулы создали самые благоприятные условия для свержения императора. Теперь они объединились и должны стать его — великого князя — правительством: некоторые из них будут его советниками в борьбе, к которой он не готов ни по воспитанию, ни по

склонностям. Вид этих людей, их аргументы, способ выразаться, очевидно, казались ему глубоко отталкивающими. Это более вероятная причина его отречения, чем та, что обычно приводится — страх за свою жизнь. Судя по тому, какова была его жизнь до этого момента, можно думать, что великий князь Михаил был храбр и не боялся риска. После двухчасовых дебатов, в продолжение которых великий князь не проронил ни слова, он выразил желание переговорить наедине с кн. Львовым и Родзянко. Эта просьба вызвала замешательство. Родзянко пытался возразить, ссылаясь на общее соглашение действовать коллективно, на что великий князь ответил, что ему трудно принять решение, раз между членами Думы нет единства. С согласия Керенского, было решено, что великий князь может посоветаться с Родзянко и с кн. Львовым (или, по другим свидетельствам, с одним Родзянко) и затем огласить свое решение.

Примерно через полчаса великий князь вышел и сказал, что его окончательный выбор склонился в сторону мнения, защищавшегося председателем Думы. По словам Шульгина, слезы не дали ему договорить, но это вряд ли правдоподобно, слезы скорей всего душили самого сверхэмоционального Шульгина. Керенский импульсивно бросился к великому князю, восклицая: «Ваше высочество, вы — благородный человек! Я не перестану это повторять!» (Что не помешало Керенскому через четыре месяца распорядиться арестовать великого князя по самому неосновательному и ложному обвинению в контрреволюции). Гучков и Милюков ушли сразу после того, как великий князь поблагодарил Милюкова за его патриотизм. Они решили поддержать новое правительство, но не входить в него. Милюков сразу лег спать и уснул как убитый. Через пять часов его разбудила делегация центрального комитета кадетской партии, которая пришла его убеждать не выходить из правительства. Видимо, особенно убеждать его не пришлось.

Только после того, как все было решено, кто-то подумал просить опытных юристов заняться составлением документа, в котором фактическое положение дел должно было получить юридическое оформление.

§ 3. Полнота власти.

Когда приехали юристы-государствоведы кадеты В.Д. Набоков и барон Нольде, им показали документ об отречении, который предусмотрительно составил министр путей сообщения Некрасов. Он стал основой окончательного текста, суть которого сводилась к следующему:

Принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созданное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

В продолжение всего дня и до поздней ночи велись споры и делались попытки «улучшить» текст. Первоначально считалось, что Временное правительство возникло «по воле народа». Керенский выдвинул против этого возражения. Народ, конечно, не имел ничего общего с формированием правительства из представителей имущих классов. Тогда добавили слова: «по инициативе Государственной Думы», на чем особенно настаивал Родзянко. Однако, и это вводило в заблуждение. Дума ничего не обсуждала и не давала своего согласия на учреждение Временного правительства, что бы ни предпринимал ее так называемый Комитет, назначенный неофициальным «советом старейшин». «Инициатива Государственной Думы» имела в глазах Родзянко большое значение, таким образом подтверждалась значительность его собственной роли в создании правительства. Керенский тогда согласился оставить «по воле народа», но с добавлением «по инициативе Думы». В процессе дальнейших споров «воля народа» окончательно исчезла. Традиционное призывание «благословения Божия» было добавлено по просьбе самого великого князя. Этот новый документ, вводя идею Учредительного собрания, подвинул процесс «революционирования» государственного строя еще на шаг вперед. Идея Учредительного собрания и четырехчленная формула выборов были известны по заявлениям, сделанным в течение нескольких предшествующих дней. И Милюков, и Керенский упоминали об этом в своих речах, но в государственном акте эта формула появилась впервые. Самым значительным следствием отречения великого князя было особое положение, в котором оказалось Временное правительство. Оно перестало быть исполнительным органом власти, ответственным перед монархом или перед парламентом. По великой иронии судьбы крушение монархии сопровождалось уничтожением зачатков парламента — учреждения, которое так способствовало ее падению. Дума, сессия которой была по

высочайшему распоряжению отложена до 27 февраля, так и не собралась, так что Временное правительство стало и в самом деле верховной властью, исполнительной и законодательной. При этом ему совершенно недоставало устойчивости. Его члены могли в любой момент выйти из правительства, или быть вытесненными своими коллегами, с тем чтобы их места заняли другие. Иными словами, после отречения великого князя воцарилась анархия в центре государственной власти — в самом Временном правительстве. Не удивительно, что спустя несколько лет, анализируя положение, сложившееся благодаря акту 3 марта, правый кадет, юрист Василий Маклаков, который вышел из Временного правительства на ранней стадии его существования, мог написать:¹³

Новый император Михаил, прежде чем вступить на престол, созвал членов Комитета Думы и правительства, назначенного Думой, чтобы обсудить с ними положение. Момент был решающий. Было бы понятно, если бы это собрание критиковало акт отречения (Николая II), как недостаточный и требующий дальнейших гарантий против возврата к прошлому. Этот вопрос, однако, даже не возник. Представители Думы советовали великому князю отречься в свою очередь. Уступая их требованиям, он подписал странный и преступный манифест, который он не имел никакого права подписывать, даже если бы он был монархом. Наперекор конституции и без согласия Думы он объявил престол свободным до созыва Учредительного собрания. Своей властью он установил форму выборов в это собрание, совершенно игнорируя Думу и конституцию, и передал власть абсолютного монарха, которой он не обладал, Временному правительству, которое, как он выразился, было создано «по инициативе Думы»... Было бы совершенно справедливо считать этот манифест актом безумия или предательства, если бы авторы не были квалифицированными юристами и патриотами.

Маклаков заявляет, что анархия, навязанная сверху, стала в глазах правительства оправданием его собственной позиции: оно само разрушило конституционный порядок и потом пришло к выводу, что сохранять его — выше человеческих сил. И если правительство считало, что борьба невозможна, то по той причине, что оно первое покинуло поле сражения.

«Квалифицированные юристы и патриоты» барон Б.Е. Нольде и В.Д. Набоков не раз объясняли причины, заставившие их составить этот документ. Конечно, их работа была ограничена простой формулировкой решения, принятого без их участия, и все же

они сами признают, что зашли дальше, чем следовало. Обсуждая окончательный текст, они пришли к заключению, пишет Набоков¹⁴, что положение, перед которым они поставлены, должно рассматриваться следующим образом:

Михаил отказывается от принятия верховной власти. К этому, собственно, должно было бы свестись юридически ценное содержание акта. Но по условиям момента казалось необходимым, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этим актом для того, чтобы — в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение, — торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной Думой. Этим было сделано в словах: «Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Мы в данном случае не видели центра тяжести в юридической силе формулы, а только в ее нравственно-политическом значении. И нельзя не отметить, что акт об отказе от престола, подписанный Михаилом, был единственным актом, определившим объем власти Временного правительства и вместе с тем разрешившим вопрос о формах его функционирования, — в частности и главным образом, вопрос о дальнейшей деятельности законодательных учреждений.

Набоков совершенно справедливо указывает, что накануне, 2 марта, в декларации об учреждении Временного правительства, оно было определено как орган исполнительной власти, обладающий большей устойчивостью, чем Временный Комитет Думы, как правительство, состоящее из людей, которые приобрели доверие страны своей прошлой политической и общественной деятельностью. Теперь же новый манифест облакал Временное правительство и законодательной властью. Как объяснил другой «квалифицированный юрист и патриот», акт 3 марта по существу учреждал Временное правительство. По утверждению Нольде, это учреждение могло оставаться в силе до созыва Учредительного собрания, но только, разумеется, в том случае, если бы Временное правительство действительно воспользовалось предоставлявшейся ему полнотой власти.

Странно, что Маклаков и Набоков, оба члены центрального комитета кадетской партии, оба юристы, оба представители правого крыла партии, так по-разному оценивали событие, относительно фактического содержания которого у них не было ни малейших разногласий. Маклаков считал, что расширять полномочия Временного правительства предоставлением ему законодательной власти — это преступление,

безумие и предательство, а для Набокова и Нольде включение в текст этого пункта стало предметом гордости:

Для нас же в тот момент, в самые первые дни революции, когда еще было совершенно неизвестно, как будет реагировать вся Россия и иностранные державы-союзницы на переворот, на образование Временного правительства, на все создавшееся новое положение, казалось бесконечно важным каждое слово. И мне кажется, мы были правы.

После этого формула «облеченное всей полнотой власти» стала обязательной, ее надлежало неустанно повторять во всех официальных заявлениях и постановлениях, но, конечно, никакие повторения не могли придать пустой фразе юридическое и фактическое обоснование, которого определенно не хватало. Никто так и не объяснил, по какому праву малочисленный, постоянно меняющийся состав комитет, назвавший себя Временным правительством, издает законы, обязательные для страны и армии. Отказавшись от мысли обосновать законность своего существования санкцией Николая II, которая обеспечивала преемство, Временное правительство не могло в то же время согласиться с Керенским, который предлагал опираться на революционную законность, то есть на поддержку революционной петроградской толпы. Эту принципиальную слабость нельзя было исправить заявлением, что Временное правительство будет пользоваться властью только до созыва Учредительного собрания, «истинного правителя земли русской», согласно принятой тогда высокопарной формуле. Утверждалось, что для проведения демократических выборов в Учредительное собрание необходимы некоторые предварительные изменения законов, а именно уничтожение национальных и классовых ограничений и введение местного самоуправления (земств) в деревнях. Но в своей законодательной деятельности Временное правительство пошло гораздо дальше. Оно окончательно распустило Думу и объявило страну республикой, не дожидаясь решения Учредительного собрания, и чем более это правительство издавало законов, тем менее эти законы и декреты соблюдались, так что воззвания местной радикальной или большевистской газеты имели больше влияния, чем декреты правительства, «облеченного всей полнотой власти». Оправдания, которые Набоков и Нольде дают тому, что было ими сделано 3 марта, сводятся, в сущности, к совершенной банальности — сделали это, потому что ничего другого делать не оставалось. И, разумеется, они вправе утверждать, что в условиях чрезвычайного напряжения достигли предела своих возможностей.

Набоков отмечает резкие перемены настроения у всех участников событий этого дня. Им с Нольде понадобилось несколько часов, чтобы составить короткий текст отречения великого князя Михаила. Странно, они не испытывали тревоги и страха за будущее, пока трудились на Миллионной. Наоборот, Набоков говорит о «ликовании». Ликование, однако, скоро сменилось самыми мрачными предчувствиями — приехав вечером в Таврический дворец с текстом отречения, Набоков узнал об избиении офицеров в Гельсингфорсе и об угрожающем положении на фронте. Мрачные предчувствия легче понять, чем предшествовавшее им ликование. Набоков пишет, что всем сразу стало ясно, что убийства — результат вражеской агитации. «Насколько активным было участие в нашей революции немцев — это вопрос, который, как мне кажется, никогда не получит исчерпывающего ответа». Теперь, спустя 50 лет, нам не приходится разделять пессимизм Набокова. Но тогда, конечно, слухи о вмешательстве немцев, слухи, которые поползли сразу, как только стало известно о расправе в балтийском флоте, не могли иметь никаких реальных доказательств. Вернее предположить, что трагические события в Гельсингфорсе и Кронштадте настолько противоречили господствовавшим в столице настроениям, что их естественно сочли чем-то чуждым духу «великой русской бескровной революции», каким-то злокозненным вмешательством беспощадного и смертельного врага.

В Таврическом дворце Набоков встретил Милюкова, который, поспав, посоветовался с другими членами ЦК кадетской партии и на вид не так сильно теперь стремился выйти из правительства. Милюков как будто примирился с тем, что ему не удалось остановить революцию и в последний момент спасти монархию. Он даже, кажется, одобрил черновик манифеста об отречении Михаила. В результате этой перемены настроения, вечером 3 марта, кабинет, превращавшийся манифестом во Временное правительство, сосредотачивающее в своих руках власть самодержавного властителя России, какою она была до отречения Николая, остался в прежнем составе, с Милюковым и Гучковым на отводившихся им с самого начала постах. Впрочем, им не забыли утренних переговоров с великим князем Михаилом. Их позиция получила широкую огласку. Так что демагогам ничего не стоило обвинить их в контрреволюции. Положение Милюкова в правительстве, которое, по существу, он сам и составил, было серьезно подорвано, ему так и не удалось вернуть былого влияния. Решающую роль в новом правительстве играл Керенский, ибо он один из всех его членов мог претендовать на то, что представляет революцию.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 15

¹ См. прим. 7 к гл. 13.

² СП. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 134 и далее.

³ В тот же день великий князь Михаил попросил Милюкова вычеркнуть его подпись.

См. также гл. 11, § 2.

⁴ Милюков, ук. соч. (см. прим. 5 к гл. 8), том 2, стр. 313.

Заявление Милюкова см. у Броудера и Керенского, ук. соч. (см. прим. 20 к гл. 12), том I, стр. 133, где приводится также сделанная Милюковым позже поправка.

⁵ АРР, III, стр. 266 и далее.

Брудер и Керенский, ук. соч., том I, стр. 109 и далее.

⁶ См. гл. 12, § 8 и далее.

⁷ См. разговор Алексева с Родзянко (3 марта, 6 час. — 6 час. 45 мин.) и телеграмму, посланную 3 марта Алексевым главнокомандующим, в АРР, III.

⁸ Мельгунов. Мартовские дни..., стр. 222.

⁹ Вдова великого князя Владимира — не путать с ее тезкой и племянницей Марией Павловной младшей.

¹⁰ См. гл. 10, § 5 и далее.

¹¹ АРР, VI, стр. 61 и далее.

¹² Милюков, ук. соч., том 2, стр. 317.

¹³ В. Маклаков. Предисловие к «La Chute du R gime Tsarist. — Interrogatoires». Collection de m moires pour servir a l'histoire de la guerre mondiale. Paris, 1927, p. 12.

¹⁴ АРР, I, стр. 21.

¹⁵ АРР, I, стр. 22.